

Владислав Боярченко

Рецензия на книгу:

**Kaplan V. Historians and Historical Societies
in the Public Life of Imperial Russia.**

**Bloomington and Indianapolis:
Indiana University Press, 2017. XIII, 316 p.¹**

Боярченко Владислав Викторович, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

vboyarchenkov@hse.ru

Boyarchenkov Vladislav Viktorovich, PhD (History), Leading Researcher Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

vboyarchenkov@hse.ru

Путь к этой книге, как это часто бывает у историков, начался в архиве, где Веру Каплан заинтриговало внушительное по размерам собрание материалов, относящихся к деятельности Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (далее — ОРРИП). Неожиданные роли, в которых выступили на листах этих рукописей известные представители сановного Петербурга — поэт и придворный Арсений Голенищев-Кутузов, последний владелец Фонтанного дома Сергей Шереметев, будущий министр внутренних дел Дми-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

трий Сипягин, а также выступавший в качестве их неофициально-го советчика бывший народоволец москвич Лев Тихомиров; откровенно консервативные убеждения, сочетающиеся с готовностью забыть о сословных, гендерных и иных социальных разграничениях, когда дело касалось членов их добровольной организации; власть и общество, режим взаимодействия которых никак не укладывался в привычную схему, подразумевающую давление сверху и сопротивление снизу, — это и многое другое побудило автора обратиться к изучению многообразного и почти не исследованного мира исторических обществ Российской империи.

Несомненное достоинство рецензируемой работы заключается в том, что исследовательница помещает свой анализ в самую гущу современных теоретических споров о природе социального в императорской России, принимая во внимание результаты дискуссии, вызванной публикацией английских переводов знаменитых трудов Р. Козеллека² и особенно Ю. Хабермаса³ о публичной и публичной сфере. Можно только приветствовать стремление В. Каплан рассматривать российские исторические добровольные организации как фрагмент картины повсеместно открывавшихся на добровольной основе обществ и прочих институций (только официально признанных властями из них к концу имперского периода насчитывалось порядка 10 тыс.), которая, в свою очередь, сама была частью более обширного феномена «века ассоциаций», все более притягивающего к себе взоры исследователей в последние десятилетия. С возвращением исследовательского интереса к осмыслению этого феномена⁴ правомерно рассчитывать на ревизию самооче-

2 Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988.

3 Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.

4 Bradly J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале

видных еще недавно представлений о незрелости в дореволюционной России гражданского общества в условиях тотального доминирования со стороны государства⁵.

В поисках языка, который позволил бы произвести эту ревизию и адекватно описать реалии «века ассоциаций», Каплан обоснованно возражает против попыток трактовать русский термин того времени *общественность* с его неустрашимыми либеральными коннотациями как эквивалент публичной сферы в хабер-масовском смысле. Многие добровольные ассоциации, как то же ОРРИП, занимали настолько явные антилиберальные позиции, что рассмотрение их как элемента общественности чревато радикальной переконфигурацией референтных рамок. Понятие общества со всей неустойчивостью его семантики на протяжении XIX в. представляется исследовательнице более пригодным для решения этой задачи⁶. В целом этот вывод соответствует наблюдениям О. Ю. Малиновой относительно употреблений понятий «общество» и «общественность» в рассматриваемую эпоху⁷. К сожалению, вопрос о том, каким потенциалом в свете наметившегося переосмысления проблемы гражданского общества обладает понятие *публика*, активно использовавшееся в России, по крайней мере, до начала «Великих реформ» (см. наделавший немало шуму в свое время фельетон Константина Аксакова 1857 г. «Публика — народ»⁸), не стал в книге предметом обсуждения.

XX в./отв. ред. А. С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

5 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 4.

6 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 10-11.

7 Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 428-463.

8 [Аксаков К. С.] Опыт синонимов. Публика — народ // Молва. 1857. № 36.

Следует добавить, что история исторических обществ представляется Каплан интересной не только в контексте полемики о гражданском обществе в России, но еще и в перспективе «исторического пробуждения» образованного общества — процесса, в ходе которого изучение прошлого превращается в сферу публичной деятельности.

Структура книги вполне соответствует логике исходного замысла. В первой главе в качестве своеобразного пролога к истории исторических обществ предлагается обзор деятельности различных формальных и неформальных объединений вестернизированного слоя российского общества как одного из продуктов регулярного государства, созданного в петровское время. Такой фокус рассмотрения нельзя не признать удачным. Во всяком случае, столь разные по своим статусу, задачам и отношению к государственной власти институции, как «Ученая дружина» Ф. Прокоповича и Академия наук, Вольное экономическое общество и дружеские кружки дворянской молодежи, Российская академия и Московский университет, ставший во второй половине XVIII в. центром притяжения для самых разных культурных сил, включая масонов во главе с И. Г. Шварцем и А. И. Новиковым, не выглядят в изложении Каплан случайными и изолированными друг от друга единицами.

С одной стороны, это внутреннее родство можно объяснить ограниченным набором самих организационных форм, востребованных участниками первых добровольных ассоциаций, порой едва отличающихся поначалу от бюрократических учреждений и тесно опекаемых верховной властью. О другой стороне проблемы заставляет всерьез задуматься очень важная дискуссия двух историков Вольного экономического общества (далее — ВЭО), которую разбирает автор⁹. Яблоком раздора для них стал вопрос о том, как сочетался устремленный

9 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 39–40.

в будущее дискурс Просвещения с давно сформировавшимися в России культурными практиками, в основе которых лежали патернализм и персонализм, что наиболее ярко проявлялось в патрон-клиентских отношениях. Если К. Леки недвусмысленно заявлял, что груз традиций безусловно преобладал, то Дж. Бредли, напротив, настаивал, что институциональные практики и уставы общества породили новую социальность, которая стала парадигматичной для последующих вольных ассоциаций¹⁰.

Сама Каплан полагает, что, хотя заявленный в уставе ВЭО эгалитаризм и не был полностью достижим в реальной практике общества, он служил сигналом о некоем идеальном типе, на который ориентировались многие современники, в частности провинциалы, не охваченные столичными патронажными сетями, и который впоследствии стал моделью для других ученых обществ. При всей кажущейся компромиссности такой формулировки в указанной полемике автор явно на стороне Бредли. Однако, как представляется, ее аргументы не учитывают такую немаловажную и нередко болезненную для членов любой добровольной ассоциации проблему, как получение доступа и участие в последующем распределении ресурсов. Разве менее обоснованным выглядело бы предположение, что организаторов последующих ученых обществ вдохновлял не столько эгалитаризм устава ВЭО, сколько возможность использовать новые ресурсы для создания, расширения и укрепления своих патрон-клиентских сетей? Что же касается провинциалов, то не стало ли введение в уставы многих позднее созданных обществ разряда членов-корреспондентов без права голоса мерой нейтрализации возможных посягательств с их стороны на долю ресурсов, несоизмеримую с занимаемым ими местом в этих сетях? Думается,

10 Lecky C. Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796 // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 355-379; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // *American Historical Review*. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1102-1106.

от ответов на эти вопросы во многом зависит и исход упомянутого спора.

Во второй главе автор имеет дело с обществами, посвятившими свои усилия изучению прошлого. Такая их специализация, ставшая вполне обычной для XIX в., отличает их от институций, ориентированных на синкретические модели знания, которые господствовали в предшествовавшем столетии, и находит свое объяснение в увлечении прошлым, охватившем интеллектуальную элиту Западной Европы, а затем и России. Правда, вопрос о том, как соотносятся механизмы и темпы этого «исторического пробуждения» (термин, заимствованный Каплан у Сьюзан Крейн¹¹) с динамикой учреждения исторических обществ, остается открытым. Так, автор связывает факт членства в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, основанном в 1804 г., П. И. Страхова и Х. А. Чеботарева с историческими проектами новиковского Дружеского общества, участниками которого они были за четверть века до того¹². Между тем привлечение этих университетских профессоров — физики и географии соответственно — во вновь учреждаемое общество можно интерпретировать и как показатель крайне медленно растущего в Москве, несмотря на «историческое пробуждение», числа ученых, хоть сколько-нибудь интересовавшихся историей на рубеже XVIII-XIX вв.

В пределах одной главы Вера Каплан пытается проследить деятельность едва ли не всех добровольных ассоциаций, успевших так или иначе проявить себя на протяжении целого столетия, начиная от уже упоминавшегося московского Общества истории и древностей российских (далее — ОИДР) и заканчивая Историческими обществами при Петербургском и Московском универ-

- 11 Crane S. A. *Collecting and Historical Consciousness in Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000.
- 12 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 62.

ситетах, которые заявили о себе в последние десятилетия XIX в. И хотя предпринятые автором поиски ни в коем случае нельзя назвать напрасными, при знакомстве с текстом этой главы читатель поневоле будет чувствовать себя в положении путника, свернувшего с ровного шоссе на бездорожье. Причина такого положения вещей на поверхности: ни сами эти общества в большинстве своем, ни быстро менявшаяся институциональная и дисциплинарная среда, в условиях которой им приходилось действовать, не получили пока систематического освещения в литературе. Особенно эти затруднения автора бросаются в глаза при анализе деятельности ОИДР. Из всей более чем вековой истории этого долгожителя среди всех российских исторических обществ подробнее всего говорится о наименее продуктивном ее периоде — первом десятилетии существования, — который даже в 1840-е гг. самим членам общества представлялся «темным, как все начальные периоды Истории»¹³. Объяснение этому лежит на поверхности: единственный автор, попытавшийся написать историю ОИДР, — Нил Попов — не успел продвинуться в своем труде далее этого времени¹⁴.

Истолкование немногочисленных более поздних эпизодов из истории этого общества часто страдает поверхностностью и едва ли в состоянии помочь в понимании развития этого исторического объединения. Например, упоминая об инициативе Павла Строева организовать за счет ОИДР археографическую экспедицию, Каплан забывает добавить, что здесь требуемой поддержки она не получила и реализовалась в совсем иных институциональных рамках. Иначе чем недоразумением нельзя назвать указание автора на непрерывное председательство Строганова в ОИДР с 1837 по 1874 г.¹⁵ В действительности, как известно, Флетчерова история 1848 г., о которой вскользь говорится в этом очерке, по-

13 Барсуков М. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 418.

14 Попов Н. И. История Имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1.

15 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 86-87.

влекла за собой отставку не только секретаря О.М. Бодянского, но и его патрона С. Г. Строганова. Их возвращение к своим должностям произошло лишь после восшествия на престол Александра II, через девять лет, которые отнюдь не были для ОИДР временем топтания на месте¹⁶. Можно только сожалеть и о том, что В. Каплан, как мало кто понимающая ценность учредительных документов добровольных ассоциаций, в данном случае ограничилась рассмотрением устава 1811 г., действовавшего на протяжении всего пяти лет, оставив без внимания почти все последующие модификации этого документа, а также бурные дебаты в обществе, их сопровождавшие. Привлечение этих материалов, несомненно, дало бы немало новой пищи для размышлений о том, в каком направлении и в какой мере менялось понимание социальной природы членства в исторических ученых обществах России на протяжении XIX в.

В чем позиция автора заслуживает полной поддержки, так это в готовности анализировать деятельность археологических обществ наряду с историческими. Конечно, говорить о синонимичности истории и археологии во времена, которым посвящена книга (как это делает В.П. Козлов¹⁷, с которым здесь солидарна В. Каплан), если и можно, то с очень большой натяжкой. Однако история как большой нарратив, мыслимый в ту пору чаще всего в формате многотомного издания, и изучение древностей в широком смысле, действительно, идут в России после Н. М. Карамзина рука об руку, образуя плохо поддающееся анализу неопределенное целое. Поэтому обращение к деятельности Русского и Московского археологического обществ, пусть и в виде лапидарных сообщений, представляется уместным в данном разделе. Вероятно, пояснять системообразующую роль изучения древностей в структуре занятий ученых обществ середины века соображе-

16 Боярченков В.В. «Секретарь антикварского сословия»: О.М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 91-102.

17 Козлов В.П. Российская археография конца XVII — первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. С. 258-259.

ниями В. С. Иконникова, которые относятся к концу столетия¹⁸, со стороны исследовательницы было несколько анахронистично: дисциплинарные границы между историей и археологией на протяжении этого периода могли меняться, причем неоднократно. Но здесь автор, скорее, заложник давно сложившейся в историографии ситуации, когда на ранние судьбы науки о древностях без особых оговорок проецируются дисциплинарные рамки, достигнутые археологией к началу XX в., а то и позднее.

На причины смены ориентации с археологии на историю в качестве дисциплины, интегрирующей исследователей прошлого, намекает хронологический маркер, просматривающийся, хотя и имплицитно, в повествовании Веры Каплан: увлечение древностями уступает место собственно историческим проектам по мере признания результатов «Великих реформ» как состоявшегося факта. В 1864 г. состоялось открытие Московского археологического общества — последней крупной институции подобного рода; спустя два года в Петербурге было основано амбициозное Русское историческое общество, у которого в скором времени появились подражатели. Такое совпадение вызывает вопросы: не стал ли этот переход к истории показателем снизившегося в последнюю треть XIX в. внешнего давления на общественные организации? И не был ли со стороны ученых обществ предшествующего времени уход в изучение древностей своеобразной демонстрацией лояльности в отношении власти, жестом отказа от притязаний на самостоятельную роль в организации большого нарратива, каковым и представлялась тогда история по преимуществу? Возможно, изучение дисциплинарного режима знания о прошлом в имперской России позволит ответить на эти вопросы. В дальнейших исследованиях нуждается и процесс профессионализации исторического знания: от их результатов зависит, в какой мере оправдаются предположения В. Каплан о большом положительном влиянии исторических

18 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 92.

обществ на становление профессии историка в России¹⁹. Без выработки отчетливых критериев оценки уровня профессионализации и специального анализа обширного фактического материала, который можно было бы соотнести с этими критериями, любые выводы на этот счет рискуют оказаться скороспелыми.

В относительно небольшой третьей главе речь идет, главным образом, о культурных проектах либеральной части российского общества и об активном участии историков в этой деятельности. На первый взгляд, этот раздел может показаться несколько неожиданным после того, как мы наблюдали исследователей прошлого в их специфической среде в предыдущей главе. Однако новый ракурс позволяет увидеть, насколько типичным для историков того времени было осознавать свою деятельность как общественное служение. Их активность находит свое выражение при реализации прагматичных проектов Санкт-Петербургского комитета грамотности и в деятельности Приютинского братства, вдохновленного утопическими идеалами, в решительных попытках заимствовать английский и американский опыт самообразования, осуществлявшихся под эгидой Русского технического общества и Общества распространения технического знания, и в лекциях, организованных в помощь пострадавшим от голода 1891-1892 гг. Не менее интересны и ценны рассуждения В. Каплан о том, какую печать эта практика общественного служения накладывала на «внутрицеховые» отношения историков. Так, в любопытном свете предстает фигура С. Ф. Платонова, никогда не претендовавшего на лидерство в стане интеллигенции, с академически безупречной репутацией и в то же время постоянно испытывавшего потребность в одобрении со стороны либеральной общественности²⁰.

Впрочем, в полной мере значение этого раздела раскрывается в контексте сюжета, некогда привлечшего внимание исследователей.

19 Kaplan V. *Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia*. P. 137-138.

20 Ibid. P. 161-163.

довательницы к теме исторических добровольных ассоциаций, — истории ОРРИП, которой посвящена заключительная и самая большая глава монографии. Эта часть, интригующая читателя своим заголовком — неожиданным сочетанием консервативного активизма и поисков «полезной истории», пожалуй, стала самой большой удачей В. Каплан. И дело не только в масштабной работе с данными первоисточников, кропотливо собранными из разных архивохранилищ, но и, прежде всего, в представленной здесь возможности вслед за автором в деталях наблюдать за становлением исторического общества, в ходе которого возникали и получали то или другое разрешение проблемы как общие едва ли не для всех ученых обществ позднейшего периода Российской империи, так и весьма специфические, обусловленные особыми задачами, ради которых это общество и было создано в 1895 г. В. Каплан убедительно показывает, что в не самые простые для российского самодержавия годы открыто декларируемые консервативные идейные установки и глубокий монархизм основателей ОРРИП не мешали этому обществу в поисках собственной ниши среди давно осваивавших российское публичное пространство исторических ассоциаций, в попытках рекрутировать в свои ряды профессиональных историков и в успехе начинаний, направленных на популяризацию исторического знания в духе «русских начал».

Создание ОРРИП обоснованно соотносится автором со стремлением власти преобразовать комитеты грамотности в Российское общество ревнителей просвещения под руководством вел. кн. Константина Константиновича и перехватить тем самым у либеральной общественности каналы влияния на широкие массы. Несмотря на это, В. Каплан отказывается видеть в ОРРИП всего лишь негативную копию либеральных обществ²¹. Скорее, справедливо говорить о попытке предложить

21 Kaplan V. Historians and Historical Societies in the Public Life of Imperial Russia. P. 187-189.

иной формат общественного деятеля — консерватора и националиста²². Направление деятельности этой организации на фоне количественного ее роста свидетельствует, по мнению автора, что консервативное ОРРИП расширяло и диверсифицировало публичное образовательное движение и поневоле подрывало доминирующие позиции государства в сфере образования²³.

В необходимости более сложной трактовки природы этого общества автора убеждает и анализ его программных документов. Так, провозглашаемое в уставе равенство действительных членов в задуманном режиме функционирования общества нейтрализовывалось советом, состоящим из двенадцати членов-основателей. Этот орган сосредоточивал в своих руках едва ли не все рычаги управления ОРРИП. Предлагавший такую модель устройства граф А. А. Голенищев-Кутузов в частной переписке признавал, что она была следствием усвоенных уроков из жизни других научных обществ, где со временем в руководство проникали нежелательные элементы. Примечательно, что внутреннюю жизнь этого всемогущего совета ни Кутузов, ни его единомышленники не собирались делать достоянием публики. Замечание В. Каплан, что намеченное в уставе устройство общества подошло бы политической организации в не меньшей степени²⁴, чем образовательной ассоциации (чего стоит хотя бы провозглашавшийся принцип единомыслия его членов!), невольно вызывает вопрос: не было ли оно своеобразной компенсацией за отсутствие доступа к публичной политике даже у таких правоверных монархистов, какими были «ревнители исторического просвещения»?

В исследовании Веры Каплан можно найти свежие и интересные наблюдения о жизнеспособности дворянских ценностей в условиях внесословной просветительской организации на рубеже XIX-XX вв., о возможностях сохранения академических прин-

22 Ibid. P. 206.

23 Ibid. P. 204-205.

24 Ibid. P. 196.

ципов без полного отказа от политической ангажированности, о соотношении формальных практик и родственных, дружественных, патрон-клиентских связей и о многом другом. Завершается книга очень любопытным сопоставлением российской ситуации с американским опытом создания исторических обществ. В Соединенных Штатах процесс образования таких обществ берет свое начало даже несколько позднее, чем в России, на исходе XVIII в., но стремление к интеграции в работе американских историков обнаруживает себя существенно раньше. Уже в 1880-е гг. на национальном уровне начинает действовать Американская историческая ассоциация, чьи усилия объединяли представителей не только местных частных и государственных исторических обществ, но и университетов и чья координирующая роль в исторической науке в последующем только возрастала. В России же тенденцию к более тесному сотрудничеству исторических обществ между собой и с государственными учреждениями, хотя проявлявшуюся иногда и ранее, В. Каплан относит ко времени непосредственно накануне Первой мировой войны²⁵. Результаты сопоставления наводят на мысль о подводных камнях, препятствовавших этим процессам интеграции в России. ОРРИП, история которого подробно изложена в книге, предстает на ее страницах как организация, не испытывавшая заметной потребности во взаимодействии с другими учеными обществами, в координации с ними совместных проектов. Совсем не очевидно, что его руководство и члены воспринимали себя частью пусть и неоднородного, но общего целого — сети исторических учреждений, построенных на принципе добровольности. И ОРРИП не было здесь исключением: когда его руководители в 1915 г. обратились со скромным предложением о сотрудничестве к другим историческим обществам, эта инициатива не встретила сочувствия. Например, председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете генерал В. Г. Глазов, сам по убеждениям монархист и консерватор,

25 Ibid. P. 264-271.

в письме к казначею общества С. А. Белокурову с большим неодобрением отозвался о предложенном «ревнителями» проекте²⁶.

Опыт исследования ОРРИП, составляющий основное ядро книги В. Каплан, сполна искупает упомянутые отдельные недостатки работы и убедительно свидетельствует о том, как много интересных и неожиданных возможностей открывается перед историками, изучающими публичную сферу Российской империи вообще и сеть добровольных исторических ассоциаций в частности.

Литература

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. 688 с.
2. Боярченков В. В. «Секретарь антикварского сословия»: О. М. Бодянский в Обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта // Славяноведение. 2009. № 2. С. 91-102.
3. Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. 415 с.
4. Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. С. 428-463.
5. Попов Н. И. История Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1. 249 с.
6. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. ред. А. С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 886 с.
7. Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. 2002. Vol. 107. № 4. P. 1094-1123.

26 Российский государственный архив древних актов. Ф. 184. Оп. 1. Д. 437. Л. 171-171 об.

8. Bradly J. *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009. 366 p.

9. Crane S.A. *Collecting and Historical Consciousness in Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. 195 p.

10. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 301 p.

12. Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 204 p.

13. Leckey C. *Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765-1796* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 355-379.

References

1. Barsukov, N. P. (1878) *Zhizn' i trudy P. M. Stroeve* [*Life and Works of P. M. Stroeve*]. Saint Petersburg.

2. Bradley, J. (2002) "Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia", *American Historical Review*, 107, 4, pp. 1094-1123.

3. Bradly, J. (2009) *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

4. Boiarchenkov, V. V. (2009) "‘Sekretar’ antikvarnogo sosloviia’: O.M. Bodianskiy v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-slavista" ["‘Secretary of the Antiquarian Estate’: O. M. Bodyansky at the Society of Russian History and Antiquities. On the 200th Anniversary of the Birth of the Slavic Scholar"], *Slavianovedenie*, 2, pp. 91-102.

5. Crane, S. A. (2000) *Collecting and Historical Consciousness*

in *Early Nineteenth-Century Germany*. Ithaca and London: Cornell University Press.

6. Habermas, J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

8. Koselleck, R. (1988) *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

9. Kozlov, V. P. (1999) *Rossiyskaia arkheografiia kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX veka* [*Russian Archeography of the late 18th — first Quarter of the 19th Century*]. Moscow: Rossiyskii gosudarstvennyy humanitarnyy universitet.

10. Leckey, C. (2005) “Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796”, *Slavic Review*, 64, 2, pp. 355–379.

11. Malinova, O. Yu. (2012) “Obshchestvo, publika, obshchestvennost' v Rossii serediny 19 — nachala 20 veka: Otrazhenie v poniatiiakh praktik publichnoy kommunikatsii i obshchestvennoy samodeiatel'nosti” [“Society, Public, Obshchestvennost' in Russia in the mid-19th — early 20th Centuries: Reflection in the Concepts of Public Communication Practices and Public Initiatives”], in “*Poniatiiia o Rossii*”: *K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. Tom I* [“*Concepts of Russia*”: *Towards the Historical Semantics of the Imperial Period. Vol. I*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 428–463.

12. Popov, N. (1884) *Istoriia Imperatoskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Chast' I (1804–1812)* [*History of the Imperial Moscow Society of History and Antiquities of Russia. Part I (1804–1812)*]. Moscow.

13. *Samoorganizatsiia rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX vv.*/ed. by A. S. Tumanova [*Self-Organization of the Russian Obshchestvennost' in the last third of the 18th — early 20th Centuries*]/ed. by A. S. Tumanova] (2011) Moscow: ROSSPEN.